

АНАЛИЗ ЕДИНИЧНОГО СЛУЧАЯ КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Н.Е. Харламенкова

Анализ единичного случая рассматривается в контексте основных научных антиномий: дедуктивный/индуктивный вывод, номотетический/идиографический метод. Определяется место анализа единичного случая в координатах обсуждаемых антиномий, предлагается традиционная и более современная трактовка метода; определены особенности и условия его применения в психологии личности, перечислены типы решаемых с его помощью задач. В заключении обсуждаются преимущества и недостатки метода.

Ключевые слова: метод анализа единичного случая, психология личности, дедуктивный вывод, индуктивный вывод, номотетический и идиографический методы, уникальность, явление, сущность, психологические механизмы.

Одним из парадоксов, который встречается в психологии среди множества других, подобных ему антиномий, является противоречие между стремлением устанавливать универсальные закономерности и потребностью учитывать индивидуально-психологические особенности объекта исследования. Парадокс заключается в том, что при установке на универсальность, которая необходима для утверждения некоторого знания как научного, теряется специфика психологического знания, а при установке на уникальность появляется сомнение в законосообразности формулируемых выводов.

Современная психология, тем не менее, в большей степени тяготеет к установлению общих зависимостей, часто игнорируя индивидуальное своеобразие человека. Прежде всего, это вызвано тем, что существуют определенные правила, нормативы научного исследования, которых

необходимо придерживаться для получения достоверных результатов. Указывая на эти правила, Т.В. Корнилова выделяет норматив формулировки и проверки гипотез (Корнилова, 2005). Это значит, что в любом научном исследовании необходимо исходить из предположений, процедура проверки которых и составляет суть этого исследования (конечно, при достаточном со стороны исследователя контроле валидности полученных данных). Гипотезы о причинно-следственных (каузальных) отношениях проверяются путем эксперимента. Напомним, что открытие В. Вундтом в 1879 г. первой экспериментальной лаборатории в Лейпциге считается началом развития психологии как науки. Это связано с тем, что возможность экспериментальной верификации/фальсификации гипотез позволила формулировать законы и закономерности, которые и составляют собственно научное знание. Эксперимент часто рассматривают как гипотетико-дедуктивный метод, который «предполагает, что от общих высказываний о теоретических зависимостях исследователь переходит к выдвиганию гипотез о следствиях действия предполагаемых законов» (Корнилова, 2005, с. 18).

Итак, возможность формулировки научных закономерностей появляется вследствие перехода от общего к частному, т.е. в том случае, когда используется *дедуктивный метод*. С помощью дедукции можно «выводить частные, эмпирические законы, полученные с применением индукции, из более общих известных или предположительных законов, объясняя тем самым менее общие законы более общими; это позволяет систематизировать научные знания» (Философская энциклопедия, 1962, с. 275). Обратный путь – путь *индуктивного вывода* часто ставится под сомнение как метод доказательства истинности теоретического положения. Иными словами, переносить данные, полученные на одном случае, на другие подобные случаи, трансформируя единичное во всеобщее, не вполне оправдано. Принципиальную позицию в этом вопросе занимает Т.В. Корнилова, которая подчеркивает «невозможность индуктивного построения научных понятий» (Корнилова, 2005, с. 160).

С точки зрения известного отечественного философа В.Ф. Асмуса, подробно проанализировавшего труды английского философа-материалиста Фрэнсиса Бэкона, выдвинутая последним теория индукции в некоторой своей части может быть оценена как вполне плодотворная. Критически относясь к так называемой вульгарной индукции и определяя ее как «метод чересчур торопливого восхождения или скачка от частных фактов, плохо изученных, ненадежно установленных, к положениям высшей степени общности» (Асмус, 1969, с. 386), Бэкон представляет свой метод индукции как «метод постепенного, последовательного восхождения от частных фактов к хорошо обоснованным “средним аксиомам” и уже от этих последних к аксиомам высшим» (там же, с. 386). Асмус отмечает, что Бэкон разработал сложные методы индуктивного исследования, но практически не развил мысль о простом непосредственном индуктивном заключении. Тем не менее, формулировкой идеи об индукции Бэкон обратил серьезное внимание на значительный разрыв между логической формой и содержанием, на то, что сейчас называется внешней валидностью исследования, когда установленная в эксперименте зависимость наблюдается в реальности, не упрощена и не искусственна. Иными словами, это, по мнению Бэкона могло бы «поднять науку на тот уровень, на котором правильная логическая связь осуществляется между посылками, обобщающая сила которых проверена и научно обоснована, т.е. посылками, отражающими для мысли объективную реальность, действительный порядок вещей» (Асмус, 1969, с. 404).

При обсуждении метода индукции, обычно, указывают на его ограничительный характер, но не отвергают вовсе, считая, что процесс индуктивного обобщения происходит путем переноса знания, полученного на одном или нескольких предметах, на более широкую общность, что позволяет сохранить содержание изучаемой предметной области.

Так или иначе, проблема индуктивного и дедуктивного тесно соотносится с проблемой общего и частного, или всеобщего и единичного, которая, также как и в философии Бэкона, рассматривается в контексте

проблемы рационального и чувственного. Ранее мы уже отмечали (Харламенкова, 2012), что наиболее интересные взгляды на единичное и всеобщее были высказаны Гегелем, который, продолжая рассматривать всеобщее только как мысль, утверждал, что единичное есть момент различия, момент определенности, который отсутствует в абстрактном тождестве, в обобщенной идее. Единичное трудно уловимо и мимолетно, оно существует в пространстве настоящего, «здесь» и «теперь», выражается в особенном, и непостижимо для мысли. Если далее следовать логике Гегеля, утверждал Фейербах, можно открыть для себя такую абстрактную единичность, которая сливается со всеобщностью и не сумеет постичь подлинную единичность, которая опирается на достоверность чувств. Аналогичным образом можно понять, что мышление, возведенное Гегелем в ранг всеобщего, существует вне пространственно-временных отношений, и не увидит его специфики в контексте топологии и хронологии. На самом деле, писал Фейербах, «я сам по существу нахожусь *здесь* и *сейчас*... и мышление есть деятельность, данная *здесь* и *теперь*, деятельность в пространстве и времени» (Фейербах, 1967, с. 379). Оспаривая мнение о том, что всеобщее не имеет чувственного компонента, а единичное лишено разумного основания, Фейербах доказывает существование подлинного, истинного разума в его индивидуальном проявлении и, одновременно, проявление чувств, которые переживаются всеми. Люди «взаимно понимают друг друга; они мыслят одинаково, так как одинаково чувствуют, так как есть общие ощущения, свойственные всем» (там же, с. 380).

Постановка проблемы диалектического единства всеобщего и единичного привела к необходимости решения ряда гносеологических вопросов, в частности проблемы метода исследования. Одним из таких решений стала идея В. Виндельбанда делить науки не по предмету, а по стратегии научного поиска, по методу. В результате этого были выделены *номотетический* и *идиографический* методы, с помощью которых получают общее и универсальное представление об объекте исследования, с одной

стороны, и уникальное, единичное, неповторимое знание, с другой. Именно с этого момента разделение единичного и всеобщего приобрело свою особую специфику, в которой единичное стало описываться не только в аспекте уникального, т.е. с точки зрения несоответствия общему, отличия от него, но и в аспекте всеобщего (универсального), т.е. с точки зрения степени соответствия ему. Важность этого уточнения заключается в том, что единичное перестало оцениваться как дискретная (прерывная) единица, прямо противоположная всеобщему, оно приобрело недизъюнктивный характер (Брушлинский, 1988).

Для психологии проблема ориентации на универсальное/уникальное знание была актуальна всегда, однако наиболее острый момент в ее обсуждении пришелся на конец первой – начало второй трети XX века и, прежде всего, благодаря работам Гордона Оллпорта, для которого ее решение было сформулировано в виде основного положения разработанной им оригинальной теории личности. Оллпорт полагал, что его теорию черт можно рассматривать как «конкретно приложимую» к бесконечному разнообразию форм личностного существования и, в то же время, как достаточно абстрактную, основанную на общепсихологических закономерностях. При этом он утверждал, что исследователь-психолог пользуется и номотетическим, и идиографическим методом. «Чтобы уравновесить преобладающий *номотетический (nomothetic)* подход, который состоит в поиске общих законов, Оллпорт предлагал взять на вооружение методы, позволяющие исследовать мотивационное и стилистическое поведение в отдельном, конкретном случае» (Фрейджер, Фейдимен, 2006, с. 678).

Р. Фрейджер и Дж. Фейдимен отмечают, что в ранних работах Гордон Оллпорт обозначал научный подход, который применяется для анализа единичного случая, идиографическим (*idiographic*). Потом, однако, оказалось, что термин «идиографический» часто смешивается с *идеографией* – с представлением идей в виде графических символов, или с принципом

письма, при котором единицей графического обозначения является слово (или морфема)¹. Вследствие возникающей путаницы Оллпорт отказался от него и в своих поздних работах стал пользоваться термином морфогеничные процедуры (morphogenic procedures). Он считал, что оба типа методов – идиографические и морфогеничные методы – предназначены для исследования свойств отдельной личности, для изучения кейсов (case study) но идиография не позволяет выявлять структуру личности или паттерны. Морфогеничный метод (процедуры), наоборот, имеет дело со структурой личности как целого, допускает сравнение свойств и, по-видимому, их рядоположенность или иерархию у одной и той же личности. Такие структуры или индивидуальные паттерны и являются предметом морфогеничной науки.

Оллпорт сгруппировал конкретные методы, которыми пользуется морфогеничная психология. «Примерами полностью морфогеничных, индивидуальных методов являются словесные записи, в том числе беседы, сны и признания, дневники и письма, персонализированные вопросники и личностные шкалы, а также экспрессивные и проективные документы, включающие письменные работы, художественное творчество, автоматическое письмо и рисунки, рукопожатие, манеру говорить, жесты, почерк, походку и автобиографии» (Фрейджер, Фейдимен, 2006, с. 679).

Полуморфогеничные методы – это самооценочные шкалы, в том числе стандартизированные тесты, использующие процедуру сравнения людей с самими собой, а не с нормативной выборкой. В качестве примера приводятся техники «Исследование ценностей» Оллпорта–Вернона–Линдзи (Allport – Vernon – Lindzey Study of Values) и Q-сортировка Стефенсона (1953).

Согласно Оллпорту, чтобы получить информацию о человеке и изучить его персональную динамику, нужно просто беседовать с людьми, расспрашивать их о себе. В отличие от многих исследователей, ответы на прямые вопросы рассматривались Оллпортом как достоверная информация.

¹ <http://slovarfilologa.ru>

К чему, по-существу, сводится в данном случае идиографический метод? Он сводится к анализу отдельного случая, т.е. к исследованию выборки объемом, равной единице. Закономерен также вопрос о месте номотетического метода, и о его соотношении с идиографическим. По мнению Е.Е. Соколовой в этом вопросе основными противниками выступают «естественники» и «гуманитарии». Естественно-научное направление в психологии ориентировано на поиск причинно-следственных зависимостей и на установление объективных закономерностей, отдавая предпочтение номотетическому методу (Соколова, 1994). Гуманитарная парадигма переносит акцент исследования на человека как «духовно свободную личность» и основывается на идее целевого детерминизма, используя идиографические техники. Несмотря на различия в позициях, каждая из альтернатив не может обойтись без того материала, который ею фактически табуирован: естественно-научная – без анализа единичных случаев, а гуманитарная – без проведения обобщений и установления зависимостей. Только в этом случае противостояние подходов оправдано, конструктивно и имеет смысл.

Анализ проблемы единичного–всеобщего и соотношения номотетического и идиографического метода на методологическом и теоретическом уровнях исследования привел к появлению группы конкретных методов, которая была обозначена термином *case study*, или *методом анализа единичного случая*. Анализ единичного случая как метод относится к классу исследовательских процедур, которые включают в себя приемы оценивания и сравнения индивидуальных признаков конкретной личности с показателями «нормативных контрольных групп» (А.П. Корнилов, Т.В. Корнилова). Вследствие этого реализуется один из вариантов номотетического метода, а феномен «единичности случая» теряет свою специфику, т.е. индивидуальный характер. Однако, прежде чем переходить к обсуждению метода анализа единичного случая и особенностей его использования в психологии личности, вернемся к обсуждаемым выше

антиномиям: дедукция и индукция, номотетический и идиографический методы.

Индуктивный и дедуктивный методы – это методы логического вывода, методы научного познания, которые взаимно дополняют друг друга, и позволяют сделать результаты исследования достоверными и содержательно наполненными, а также открывают путь для поиска новых идей и формулировки новых гипотез. То же самое можно сказать относительно номотетического и идиографического методов. Но, кроме их попарного сравнения возникает потребность понять степень пересечения этих пар антиномий между собой, которые, конечно же, не являются синонимами. Можно считать, что реализация идеи законосообразности с помощью номотетического метода, успешнее осуществляется гипотетико-дедуктивным путем, который предполагает проверку теоретических гипотез на истинность или ложность средствами эмпирических изысканий. Но в этом смысле и индуктивное умозаключение направлено на формулировку общего, универсального знания, только иным путем, следуя от частного к общему и используя не строго логические, а иные (фактические, математические, психологические) представления. И здесь не может возникать сомнений, ведь когда исследователь имеет дело с конкретным объектом, он все равно абстрактен, поскольку, как указывает известный советский философ Б.С. Грязнов, он абстрактен «в том смысле, что он представляет собой лишь *одно* свойство эмпирического объекта; он абстрактен и в том смысле, что отвлечен от эмпирического объекта», поэтому номотетические высказывания в данном случае относятся не к «бесконечному множеству однотипных эмпирических объектов, но – к единственному, а именно теоретическому объекту» [Цит. по (Никитин, 2004, с. 91)].

Идиографический метод также может быть использован в русле дедукции или индукции, однако по сравнению с номотетическим методом он применяется лишь при постановке дополнительных задач и не всяким исследователем, а только тем, кто рассматривает как данные «за», так и

«против», кто чувствителен к отдельным случаям, не вписывающимся в общий законосообразный порядок. При гипотетико-дедуктивном умозаключении применение идиографического метода может способствовать формулировке новых гипотез, или влиять на процедуры контроля валидности результатов, если анализируемый случай является артефактом вследствие неверно спланированного эксперимента. Иными словами, «случай» интересен не своей уникальностью, а новизной в плане формулировки новых зависимостей, номотетических высказываний. При индуктивном умозаключении идиографический метод, по-существу, становится препятствием для проведения необходимых обобщений, поскольку исследователь акцентирует внимание не на сходстве объектов, а на их различиях. Из этого следует, что идиографический метод имеет свою специфику, в том числе, и в области решения научных задач.

Метод анализа единичных случаев привычно относится к идиографической методологии, поскольку в качестве *случая* выступает один объект – человек, его личность. В психологии имеются такие случаи, которые уже стали классическими. Прежде всего, это, конечно, известные терапевтические случаи З. Фрейда – случаи Анны О., Доры, Маленького Ганса, Человека-волка (Вольфсманна), Человека-крысы (Раттенманна), Шребера. Считается, однако, что три из этих случаев – Анны О., Маленького Ганса и Шребера относятся к Фрейду лишь косвенно. В литературе можно найти свидетельства о 43 трех пациентах, зафиксированных документально, тем не менее, как указывает А.М. Боковиков в предисловии к книге З. Фрейда «Знаменитые случаи из практики» (2007), анализ некоторых случаев позволил открыть такие явления как перенос, контрперенос, сопротивление, которые стали теоретическими конструктами и позволили внести вклад в теорию психоанализа Фрейда. Другие примеры из практики Фрейда «скорее представляют собой убедительные иллюстрации к его теоретическим положениям», и, как отмечается в предисловии «все эти случаи служили *фактическим материалом* (курсив мой – Н.Х.), который позволял Фрейду со

всей убежденностью отстаивать свою теорию» (Фрейд, 2007, с. 5). Точно подмечено, что «наряду с совершенно удивительными озарениями... есть тенденция подгонять полученный материал под заготовленные схемы» (там же, с. 6).

Иными словами, ценность метода анализа единичного случая состоит, прежде всего, в том, что, исследователь может делать обобщения на основе индуктивного вывода, либо подтверждать свои догадки, обращаясь к фактам. Однако, существует и опасность, определенный риск, на который указывают обычно методологи экспериментальной психологии: сделать неверные, артефактные выводы, обращая факт в пользу своей концепции.

Кроме перечисленных проблем, можно назвать и ряд других особенностей применения метода анализа единичного случая, которые осмысливаются критически. Для этого следует вернуться к обсуждаемым нами выше морфогеничным методам Г. Оллпорта, который использовал их для анализа одного случая. Материалом для анализа служили письма – письма Дженни. Р. Фрейджер и Дж. Фейдимен (2006) дают следующую краткую информацию. Это письма пожилой женщины, которые она писала с марта 1926 г. (58 лет) по октябрь 1937 г. и выражала в них амбивалентные чувства (любовь и ненависть) по отношению к своему сыну. Всего ею было написано 301 письмо, в которых она обращалась к соседу сына по комнате в колледже и к его жене – Глен и Изабель. На самом деле адресатами были Гордон Оллпорт и его жена Ада.

Один из студентов Оллпорта, с которыми он анализировал эти письма – Альфред Болдуин разработал технику и назвал ее *персональным структурным анализом*. Целью этой процедуры было выявление структуры личности. Для этого использовались два вида анализа: *анализ частоты* появления в тексте каких-либо слов и *анализ сочетаний*, т.е. частоты обнаружения в письмах двух предметов в одной смысловой связке. И если, как говорят Фрейджер и Фейдимен (2006), Фрейд и другие психоаналитики делали это интуитивно, то Болдуин использовал статистический анализ. Сам

Оллпорт скептически отзывался о полученных результатах, говоря, что неизвестно «добавляет ли столь трудоемкий способ классификации кластеров что-либо новое к интерпретации на основе простого здравого смысла» [Цит. по (Фрейджер и Фейдимен, 2006, с. 680)]. Все это дает основания утверждать, что исследователи склонны приписывать методу какие-то специальные функции, усматривая за тем, что лежит на поверхности и, по-существу, не требует сложного математического анализа, особое эвристическое значение, тогда как простой здравый смысл, извлеченный из материала (например, из беседы, письма и др.), может дать больше, чем многоуровневый статистический анализ.

Применение математической обработки в работе с единичным случаем вполне понятно и объяснимо. Это – способ частично устранить те угрозы, которые возникают при обращении к индуктивным умозаключениям. Однако, как показала практика, подобная компенсация не только высоко затратна, но и малоэффективна, и аналогичные результаты могут быть получены другими, менее трудоемкими способами.

Анализ единичного случая как метод чаще всего используется в психоаналитической традиции. Л. Первин и О. Джон (2000) поставили перед собой цель оценить одного индивида (случай) с позиции разных теорий и разных подходов к диагностике, чтобы увидеть связь между теорией и диагностикой, выявить стабильность результатов вне зависимости от исследовательской позиции. Объектом обследования стал студент колледжа Джим, который на добровольных началах согласился участвовать в этом проекте. Джим прошел тестирование разными методами, дал подробную информацию о своем жизненном пути и прошел дополнительное тестирование 5, 10 и 25 лет спустя. Как и следовало ожидать, была выявлена некоторая стабильность личностных особенностей Джима, но, как отмечают авторы, наблюдалась и динамика. Этот вполне очевидный результат был дополнен не менее очевидным выводом, который состоял в том, что, если ограничиваться одним подходом к изучению и диагностике личности, то

область наблюдений за объектом значительно сужается и сводится к тем феноменам, которые связаны с определенной теоретической позицией. Однако, это ограничение, на самом деле, давно устоявшийся и известный науке факт, который заложен в основу одного из нормативов научного исследования: при планировании эксперимента исследователь должен определить свою исходную теоретическую позицию и в ходе анализа и интерпретации результатов сохранять приверженность ей. Тем не менее, знание о том, что «каждый подход схватывает что-то важное в человеке, высвечивая различные аспекты его личности и в то же время прослеживая некоторые общие темы» (Первин, Джон, 2000, с. 556), является, безусловно, полезным и ценным. В этом знании содержится важное рациональное зерно для метода анализа единичных случаев, которое заключается в возможности использования метода в рамках любой теоретической концепции, но с учетом тех особенностей и феноменов, которые выступают для нее ключевыми.

В чем же состоит диагностическая ценность метода? Какие возможности открывает перед исследователем методология, теория и практика анализа единичного случая «case study»?

В своей ранее изданной статье (Харламенкова, 2010, 2012) мы отмечали, что поиск перспектив применения метода «case study» требует сопоставления разных взглядов на его применимость. Традиционная позиция состоит в понимании метода 1) как процедуры индивидуального тестирования одного испытуемого; 2) как приема анализа клинического случая в патопсихологии; 3) как доэкспериментального плана эмпирического исследования; 4) как любого отклонения от среднего, часто называемого термином «выброс»; 5) как метода, направленного на обнаружение индивидуально-психологических особенностей конкретного субъекта, на выявление уникального.

В ходе обсуждения функциональной направленности метода (И.О. Александров, Н.Е. Максимова, Н.Е. Харламенкова) было показано, что единичный случай – это вопрос процессуального характера, лишь частично ориентированный на результаты оценки, т.е. на сравнение индивидуальных

данных с нормативными показателями. На самом деле единичность отдельного случая проявляется до начала его опознания как «одного из многих» случаев и представляет собой либо 1) определенный этап в индивидуальном обследовании конкретной личности, на котором выявленные признаки пока еще не сопоставлены с эталонными и нормативными данными, либо 2) действительно уникальное явление, которое, благодаря умелости ученого привело к открытию нового в исследуемой области знания.

На основе проведенного анализа состояния проблемы «case study» можно выделить две модели, на которые соответственно ориентированы два типа исследователей, работающих с этим методом. Первая модель реализует такой подход, благодаря которому единичное сводится к общему. Исследователь подтверждает свою гипотезу о том, что конкретный индивид принадлежит к группе нормы. Вторая модель реализует иной подход. В нем единичное интерпретируется как то, что нельзя отнести к общему. Исследователь опровергает гипотезу о принадлежности индивида к группе нормы. Единичность обнаруживается не только на этапе сбора данных, но и в результате сравнения конкретных показателей с нормативными. Единичное обнаруживает себя как такое не-общее, которое еще не описано в терминах универсального, законосообразного знания и, поэтому оценивается как уникальное.

Основная проблема заключается в том, что обе модели существуют независимо друг от друга и привлекаются исследователями обеих конфликтующих парадигм – естественно-научной (номотетический метод и модель единичное→общее) и гуманитарной (идиографический метод и модель единичное→уникальное). Во многом рассогласование в понимании метода единичного случая вызвано тем, что он рассматривается только с точки зрения *способа* сбора данных, где термином «единичное» обозначают отдельный объект исследования, отдельного человека. Действительно, все примеры, рассмотренные нами выше, в большей степени касались того, что

сущность метода сводилась к указанию на случай, и за редким исключением – к объяснению процедуры исследования и оценке специфики метода, которая ему присуща в отличие от других диагностических и исследовательских процедур.

С нашей точки зрения, возможности метода достаточно широки и он может быть использован для решения самых разных задач. На начальном этапе исследования анализ единичного случая служит отправной точкой в формулировке проблемы и вытекающих из нее гипотез, хотя при этом велика опасность подмены гипотетико-дедуктивного вывода индуктивным и значительна угроза внутренней и внешней валидности исследования. На более поздних этапах исследования метод единичного случая служит для выявления сущностных свойств изучаемого предмета, для изменения стратегии научного анализа, т.е. перехода от внешних проявлений к *внутренним механизмам*, от изучения функциональных к структурно-генетическим особенностям объекта исследования.

Именно в этом нам и видится специфика метода, который должен рассматриваться не в координатах *единичное–всеобщее*, как это принято обычно, а в координатах *явление–сущность*. В том случае, когда задачей метода остается поиск индивидуально-неповторимого, уникального в личности, он сохраняет черты идиографической процедуры, но теряет связь с индуктивным выводом, поскольку последующее обобщение в виде формулировки новой гипотезы не предполагается. Более того, метод теряет связь с научными процедурами и становится мало полезным для практики, ведь практика основывается на фундаментальных психологических законах и закономерностях, на зависимостях и обобщениях.

Сферой приложения метода единичного случая часто выступает психология личности. Остановимся подробнее на обсуждении условий и особенностей его применимости при исследовании личности. Для этого необходимо понять, что же собой представляет личность в онтологическом и гносеологическом планах.

Раскрывая сущность динамического подхода к психологическому изучению личности, Л.И. Анцыферова (1981, 1988) указывает на то, что личность существует в процессе постоянного несовпадения с собой, в процессе выхода за свои пределы. Парадоксально, но факт, что сохранение устойчивости, интегративности личности, связано с ее перманентным изменением, с личностным ростом. В рамках своей концепции автор – известный отечественный психолог в области методологии и теории психологии, психологии личности, ставит один из важных вопросов психологии развития, а именно вопрос о психологических механизмах, определяя последние как закрепившиеся в психологической организации личности функциональные способы ее преобразования, в результате которых появляются различные психологические новообразования, повышается или понижается уровень организованности личностной системы, меняется режим ее функционирования. Объективными основаниями развития личности, по мнению Л.И. Анцыферовой, являются ее потребности, структура которых постоянно меняется в сторону изменения связи биологических и духовных потребностей, проникновения ненасыщаемых духовных потребностей в витальные. Развитие мотивационно-потребностной сферы личности осуществляется за счет поиска и привлечения ею других мотивов. Показано, что в своем фундаменте этот механизм выступает как усилие индивида вписать свое занятие (деятельность) в более широкую систему социальных отношений, осмыслить ее место в более широком контексте социальной действительности и тем самым отыскать новый ее смысл, найти новые побуждения в универсальности своих общественных отношений.

Итак, сущность личности заключается в ее целостном строении, с одной стороны, и в постоянном изменении, в развитии, с другой стороны. Именно психологические механизмы позволяют раскрыть структурную и функциональную природу личности, что практически не реализуемо при проведении истинных и даже квазиэкспериментов. Все это и определяет

особенности использования метода анализа единичного случая в психологии личности. Ими выступают:

- *комплексность* анализа, обусловленная особенностями организации объекта исследования – целостностью и структурной (иерархической) организацией личности; она достигается использованием разных тактик и возможностью прояснения в беседе структуры личностных особенностей и принципов связи между ними;
- *дифференциация* содержательных и формально-динамических свойств личности и ориентация на выявление устойчивых личностных особенностей: ценностно-смысловых, мотивационных и эмоциональных;
- *систематизация* детерминант развития личности и, по-возможности, учет влияния не только средовых, но и генотипических факторов, обращение к семейным историям.
- *структурирование* актуальных для личности сфер социального взаимодействия и диагностика ценностно-смысловых, мотивационных и эмоциональных особенностей в разных социальных контекстах (контроль экологической валидности);
- *ретросказание и предсказание* развития – исследование жизненного пути личности, с учетом кризисов, травматических событий, копинг-стратегий.

Важнейшими *условиями* использования метода анализа единичного случая являются те же нормативы, которые являются основой проведения психологического эксперимента: формулировка гипотезы, определение исследователем своей теоретической позиции и следование ей, контроль операциональной валидности, т.е. соответствие плана исследования принципам его реализации, контроль внутренней валидности, а именно учет влияния дополнительных переменных, контроль экологической валидности.

Типы решаемых задач:

1. Задача контроля валидности исследования, т.е. анализ случаев, не вписывающихся в общие выборочные данные и увеличивающих вероятность ошибки при статистических расчетах с целью контроля валидности результатов эмпирического исследования, проведенного на выборке.

2. Задача формулировки новых научных гипотез, или анализ случаев, также не вписывающихся в общие выборочные данные и увеличивающих вероятность ошибки при статистических расчетах, но с целью поиска новых данных об исследуемых феноменах и закономерностях.

3. Задача исследования сущностных личностных особенностей. Анализ случая осуществляется с целью изучения психологических механизмов, принципов структурной и функциональной организации личности, для перехода от изучения отдельных проявлений личности к ее сущностным особенностям.

4. Задача обследования личности для решения практических вопросов, в частности, для решения вопроса о выборе способов психологической помощи конкретному человеку.

Критерии достоверности результатов не отличаются от обычных критериев, принятых в экспериментальной психологии. Тем не менее, одним из наиболее мощных критериев выступает экологическая валидность как степень соответствия условий эксперимента исследуемой реальности. Именно этот вид валидности часто оказывается не соответствующим требованиям эксперимента при проведении выборочных исследований. Анализ единичного случая предполагает обследование устойчивости и изменчивости личностных предпочтений и поведенческих реакций в разных социальных сферах и жизненных ситуациях, и, соответственно, способствует контролю этого вида валидности.

В заключении обсуждения проблемы анализа единичного случая как метода исследования личности хотелось бы остановиться на преимуществах и недостатках метода, указать на его возможности и ограничения.

Интерес к методу возник довольно давно, и вызван он был тем фундаментальным противоречием, которое, как мы уже говорили выше, характеризует процесс познания психической реальности, которая, с одной стороны, может быть представлена в виде формулировки психологических закономерностей, а, с другой стороны, в виде интерпретации исключений из выведенных ранее правил. Метод анализа единичных случаев в какой-то степени позволяет если не преодолеть, то сгладить эти антиномии, показав как номотетическую законосообразность, так и идиографическое своеобразие. Метод соединяет в себе различные познавательные процедуры и открывает возможности для развития психологии, для формулировки новых идей и предположений.

Несмотря на огромные возможности метода, его ограничения, как это ни парадоксально, кроются не только в самой процедуре исследования и в ее результатах, но и в том, какой *Случай* станет объектом исследования. Именно этой проблемы мы абсолютно не коснулись в статье, но ее нельзя оставить без внимания.

Для целей научного исследования, приближенного к идеальному, случай должен быть выбран из соображений постановки объективно важных исследовательских задач, в которых учтены актуальность, новизна и практическая значимость исследования. На самом деле выбор случая не может быть беспристрастным, и тогда, исследователь начинает анализировать то, что интересно и важно именно ему, что необходимо для его психического благополучия. Такой случай, с точки зрения научной психологии, становится случайностью, и есть вероятность того, что результаты анализа будут обобщены на очень узком ($n=2$ – анализируемый и анализирующий) круге людей, для осознания которых мы, как писал К.Юнг «попадаем в зависимость от равно “уникальных” и индивидуальных описаний» (Юнг, 2003, с. 187), устанавливаем факт существования чего-то неповторимого и не более того. Мы довольствуемся тем, продолжает Юнг, что создаем хаотичный набор «любопытных экземпляров, типа старого музея

по естественной истории, в котором рядышком расположены окаменелости, анатомические монстры в пробирках, рог единорога, корень мандрагоры и засушенная русалка» (там же, с. 187), и не можем использовать эти редкости для развития научной проблематики, для получения нового, но при этом достоверного и верифицированного знания.

Понимание этой особенности метода, в основе которой лежит механизм проекции, уже является шагом вперед в изучении и развития методологии, теории и практики применения метода анализа единичного случая в психологии личности.

Литература

Анцыферова Л.И. О динамическом подходе к психологическому изучению личности // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 2. С. 8–18.

Анцыферова Л.И., Завалишина Д.Н., Рыбалко Е.Ф. Категория развития в психологии // Категории материалистической диалектики в психологии. М.: Наука, 1988. С. 9–36.

Асмус В.Ф. Избранные философские труды. Т. 1. М.: Изд-во Московского университета, 1969.

Брушлинский А.В. О категориях непрерывное и прерывное, качество и количество в психологии // Категории материалистической диалектики в психологии / Отв. ред. Л.И. Анцыферова. М.: Наука, 1988, с. 120–137.

Корнилов А.П., Корнилова Т.В. Специфика патопсихологического эксперимента как метода «анализ единичного случая» // Методы исследования в психологии: квазиэксперимент: Учебное пособие для вузов. М.: Издательская группа «ФОРУМ» – «ИНФРА-М», 1998, С. 138–171.

Корнилова Т.В. Экспериментальная психология: Теория и методы: Учебник для вузов. М.: Аспект-Пресс, 2005.

Никитин Е.П. Духовный мир: органичный космос или разбегающаяся вселенная? М.: «Российская политическая энциклопедия», 2004.

Первин Л., Джон О. Психология личности: Теория и исследования. М.: Аспект Пресс, 2000.

Соколова Е.Е. Тринадцать диалогов о психологии. М.: Смысл, 1994.

Фейербах Л. Отношение к Гегелю // Собр. произведений в 3-х томах, Т. 3. М.: Мысль, 1967.

Фрейджер Р., Фейдимен Дж. Личность. Теории, упражнения, эксперименты. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006.

Философская энциклопедия / Гл. ред. Ф.В. Константинов. М.: «Советская энциклопедия». 1962. Т. 2.

Фрейд З. Знаменитые случаи из практики. М.: «Когито-Центр», 2007.

Харламенкова Н.Е. Case study как метод исследования личности // Экспериментальная психология в России: традиции и перспективы / Под ред. В.А. Барабанщикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 747–752.

Харламенкова Н.Е. Case study как метод: подходы к его функциональным возможностям // Развитие психологии в системе комплексного человекознания // Ч. 1. Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 121–128.

Юнг К. Синхрония. Сборник. К.: «Ваклер», 2003.

CASE STUDY AS A PROCEDURE OF PERSONALITY INVESTIGATION

N.E. Kharlamenkova

Case study is considered in the context of basic scientific antinomies: deductive/inductive reasoning, nomothetic/idiographic method. The place of the case study in the coordinates of discussed antinomies is determined, the traditional and more modern interpretation of the method is proposed; features and conditions of its use in the psychology of personality are defined, the tasks, which are solved with this method are recounted. Finally, the advantages and disadvantages of the method are discussed .

Key words: case study, psychology of personality, deductive reasoning, inductive reasoning, nomothetic and idiographic methods, the uniqueness of the phenomenon, the essence, the psychological mechanisms.